

Стефан Братковски

**Господин Великий Новгород
– Атлантида, совсем недалеко**

Начну с тех же слов, которыми я начал свой первый том истории Великого Новгорода – об истинном рождении Руси. Для того, чтобы объяснить, с чего это вдруг поляк берется за такую тему...

Так вот – они были среди нас и играли джаз. Играли классно, джаз в стиле Брубeka, изысканный, интеллектуальный, но в то же время теплый, спонтанный, пронизанный русской музыкальностью. Они играли по американским стандартам, как будто выросли в этом, а мы радовались за них.

Мы любили джаз – наперекор лжи страшного времени, которое проходило вместе с Польским Октябрем 1956 года. Эти русские, играющие джаз, были нашими братьями.

Одна из тем, которую они играли, имела название, отличающееся от американских стандартов, необычное и заставляющее задуматься: «Господин Великий Новгород». И никто не знал, что бы это могло значить. А они ничего не объясняли. Они играли. И никто из участников варшавского *Jazz Jamboree-1957* не догадывался, что квинтет Вадима Сакуна импровизирует в память об убитой республике. А сольные импровизации Вадима были завораживающими.

И по сей день не знаю, откуда взялась у джазменов эта мечта, столетия назад навеки проклятая. Поскольку мой друг оттуда, из России, человек широко образованный, горький до глубины души, по обыкновению меланхолично замечал, присматриваясь в 1980 году в Варшаве к «Солидарности»: «Чего же ты хочешь, у нас нет не только памяти о демократии, у нас не осталось даже воспоминаний от самой мечты о демократии».

А ведь Саша не был первым российским пессимистом. И его пессимизм даже не был самым глубоким среди прочего

российского пессимизма. Я помню свое потрясение, когда много лет назад в «Истории России» нашего Людвика Базылёва я наткнулся на цитаты из Петра Чаадаева, бывшего гвардейского офицера, друга декабристов, философа, проклятого как в царской, так и в советской России, который в 1836 году по недосмотру цензора опубликовал то, что думал о собственной стране. По Чаадаеву, ни вчерашний, ни нынешний день России не содержали ничего положительного, никакого света, никакого прогресса, а завтра тоже не обещало ничего хорошего. Ибо Россия всегда шла своим путем, не участвовала в развитии западной цивилизации, а христианство, принятое от Византии, не давало возможности ни совершенствоваться, ни развиваться. Ведь Россия не имела никакого самостоятельного развития, а чужим опытом тоже не пользовалась. Ранняя история Руси – это дикое варварство, а потом унижительное иго, навязанное монгольскими завоевателями. «Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокое в мире, мы миру ничего не дали... – писал Чаадаев. – Начиная с самых первых мгновений социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины... Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не созидалось; мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы»¹.

Загадку темы Вадима Сакуна я разгадал случайно почти тридцать лет спустя: в 1985 г., разыскивая что-то в VIII томе польской «Всеобщей Энциклопедии» на букву «Н», я открыл страницу со словарной статьей «Новгород Великий». И в ней я нашел ответ: Вадим Сакун просто играл свой символ веры, иначе в то время высказаться было невозможно. С 1136 года городская республика Великого Новгорода стала называться «Господин Великий Новгород».

Поэтому-то я и стал искать Великий Новгород. Тогда еще не зная, что открою другую Россию и подлинную историю рождения Руси. Заняло это у меня пятнадцать лет – увлекательных для меня пятнадцать лет...

Оказалось, что у России есть в прошлом и демократия, и воспоминания о ней. Великие и необычные. Но именно в

¹ Чаадаев П. И. *Полное собрание сочинений. Избранные письма*: В 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1991. – С. 330, 332.

прошлом. Потому, что эти воспоминания убиты и вычеркнуты из народной памяти. Очень-очень давно.

*
*   *

Чтобы обосновать дело Ивана Грозного и его преемников, должно было существовать какое-то «древнерусское государство», предшествовавшее государству московских царей, и, таким образом, некое наследие и высокий, обязывающий наказ предков. В действительности никому не удалось надолго хотя бы заставить платить дань одновременно все племена Древней Руси – старый Нестор, мудрый летописец, лишь пару раз упоминает князей, которые смогли какое-то непродолжительное время собирать дань со значительного большинства. А значит, не было никакой «киевской» Руси как прототипа государства царей в истории русских земель. Была Древняя Русь, и были, разумеется, великие киевские князья, изначально – новгородские, иногда взимающие дань почти со всех, однако их могущество опиралось вовсе не на Киев, цветущий центр торговли и культуры. Местные спокойные поляне, прирожденные земледельцы и отличные кузнецы, не отличались агрессивным темпераментом. Могущество этих князей в течение долгого-долгого времени опиралось на... Великий Новгород.

Народы Руси лишь потом сотни лет учились тосковать по некоей мирной общерусской семье; этому учили бесчисленные братоубийственные войны между собственными князьями, учили набеги степных кочевников, бороться с которыми в одиночку не особенно получалось. Позже такие уроки, заставляющие мечтать об общей сплоченности, народам Руси преподносили татары, но Русь была для этого слишком обширна (в сумме составляла одну треть территории христианской Европы) и, конечно, слишком разнородна.

Впервые – о чем вспоминают неохотно – полностью объединили русские земли именно они, татары, в первой половине XIV века: сбор дани с земель Руси от имени хана, «царя» Золотой Орды, они доверили одному региональному русскому правителю, правителю Москвы. Наверное, отсюда родилось убеждение, что научить Русь уму-разуму, то есть чувству единства, можно было только силой. Русь была, по мнению московских князей, слишком глупа, чтобы понимать

свою собственную выгоду. Таким образом, Русь объединяли мозги насквозь татарские, хотя и местного происхождения, и делали это по-татарски. Ведь именно у татар была заимствована своеобразная система культурных норм, при которой правитель не считается с поданными. От Византии правители Третьего Рима заимствовали лишь ощущение святости своего призвания.

Великий Новгород нес на себе бремя тяжких, в понимании Ивана Грозного, грехов. Правда, его уже не величали «господин Великий Новгород», но он мог по-прежнему смотреть свысока на Москву, поскольку, когда Новгород правил большинством земель Северной Руси, а значит, землями будущей России, Великороссии, никакая Москва в хрониках и документах не упоминалась. Если кто и имел право считаться наследником Древней Руси, то прежде всего он, Великий Новгород. Это он участвовал в ее создании и сохранил ее наследие, ведь татарские ханы никогда не властвовали в нем так, как в остальных завоеванных ими землях...

Дальнейшее существование Великого Новгорода делало сомнительным право царя на наследие Киевской Руси. Более того, Великий Новгород самим своим наличием задевал в царя чувство собственности даже в отношении более близких традиций – традиций России-Великороссии, прежних земель суздальских, ростовских и владимирских князей, ведь чем были эти княжества по сравнению с великолепием Великого Новгорода? Прошлое Великороссии принадлежало ему, Великому Новгороду, и поэтому следовало это прошлое истребить вместе с ним, дабы завладеть будущим Великой Руси. Если бы Новгород выстоял, то все сложилось бы не так, как сложилось. История Великороссии развивалась бы иначе. И уж наверняка не под диктовку Ивана Грозного.

*

*   *

За исполнением приговора следили преемники. Вместе с ними – историки. Циничные придворные подхалимы, наравне с патриотами, ставили свои подписи, подписи кабинетных книжных червей под приговором Ивана Грозного, царя, который управлял прошлым и будущим. Сотни лет официальная история России обходила стороной историю Новгорода. Его нельзя было простить, даже за давностью лет, и

никто не мог позволить себе чувства жалости; каждый человек у власти, даже иностранец по происхождению, понимал смысл приговора. Историки же, не кто иной, как историки «государственной школы», убеждали соотечественников, что рецептом величия и могущества России могла быть только сильная власть, которая не заключает со своими гражданами никаких соглашений. Им застили горизонты величие и могущество вначале царизма, потом России советской. Ни один другой вариант патриотизма им в голову не приходил.

Прошлое самодержавия работало на царей. Великий Новгород мог будить воображение только их врагов. И не случайно им восхищались эти ужасные декабристы. Потом Герцен, тоже подрыватель основ без чести и совести, напишет: «Москва спасла Россию, задушив все, что было в русской жизни свободного».

*
*   *

С Новгородом не мог смириться и «дух России», ее философия. Русь едва ли не с самого крещения должна была быть чем-то исключительным – сверхъестественной исключительностью, полумистической исключительностью «Третьего Рима», хотя фактически «исключительной» стала лишь Москва честолюбивых князей-завоевателей, да и она веками обходилась без «русской идеи». Ее породил лишь XIX век, век Империи. Эта «идея» охватит самые великие умы России. Нигде фигуры такого масштаба не порождали мессианских постулатов «английской идеи», «французской идеи» или «американской идеи» – хотя XX век наверняка был «американским веком», как век XVIII «французским», а XIX – «английским».

Наследником Чаадаева стал Алексей Хомяков, отец «славянофильства» XIX века. Бывший офицер царской гвардии в своем чаадаевском ощущении трагизма русской судьбы не видел иного варианта правления в своей отчизне, кроме самодержавия. Великому Новгороду в нем не было места.

Следующий мудрец, Константин Леонтьев, царский чиновник высокого ранга, цензор, далекий от чаадаевской печали, задумал морально возродить Россию через христианство и византийскую цивилизацию. Он презирал собственный народ, недоросший до свободы, способный лишь к анархии,

беспомощный в сфере какой бы то ни было организованной деятельности; status quo было здесь единственным лекарством.

Николай Федоров занимался спасением не отдельной человеческой личности, но «всеобщим спасением», конечно, в первую очередь думая о спасении русских. Он исповедовал «космизм» и первым, по словам своего более позднего сторонника Бердяева, «предпринял опыт активного понимания Апокалипсиса» – хотя сам до Апокалипсиса, то есть большевистской революции, не дожил. В эти космические масштабы нормальность Новгорода также не уместилась.

Здесь ничего не могло быть так, как где-то еще, все должно было выходить за рамки чужеземных представлений. Великий поэт, тонкий лирик-пессимист Федор Тютчев, также бывший дипломат и бывший цензор, постигнув тайну бытия, провозглашал, что «в Россию можно только верить». Владимир Соловьев, самый известный из тогдашних религиозных философов, благородный Соловьев, бывший длительное время либералом, близким к «народникам», четко излагал, о чем в действительности идет речь: каждый серьезный ум, наблюдая за великим историческим феноменом, которым является Россия, должен задумываться над смыслом ее существования во всеобщей истории и искать ответ в вечных истинах религии. Ведь идея народа – это вовсе не то, что он сам о себе думает во времени (преходящем), но то, что думает о нем Бог в вечности.

Новгород в сравнении с требованиями вечности был слишком прозаичен. Мистицизм охватывал уже не отношения личности с Богом, а отношения всей России с Отцом Небесным. Необязательно с взаимностью: Соловьев, певец «всеединства», покидал этот мир в катастрофическом настроении, с обидой на Европу, неспособную понять его видение и предложения. Это из него Александр Блок возьмет вызывающий эпиграф к своим «Скифам»: «Панмонголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно».

Блок, в одной крайности, терзаясь упреками совести по отношению к покоренной Варшаве, в другой – внушал Европе строками «Скифов», что она не умеет «так любить, как любит наша кровь», что «в мире есть любовь, которая и жжет, и губит»; еще перед первой мировой войной он вопрошал: «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет в тяжелых, нежных наших лапах?».

Самый известный из последователей Соловьева, Николай Бердяев за свой «легальный марксизм» заплатил изгнанием из

университета и ссылкой, что, может быть, отучило его от радикализма. Его друга, Сергея Булгакова, отучила от марксизма, даже легального, университетская доцентура, он отрекся от устаревшей, по его мнению, происходящей из XIX века, интеллигентской «моноидеи борьбы с самодержавием». Бердяев не отказывал своим соотечественникам в организаторских способностях, тем не менее анархизм считал плодом свойств российской природы, ведь именно им, то есть бегством от государства, русские отвечали на грехи власти, поскольку они к ним более чувствительны, чем другие народы. Но когда из-за этой чувствительности разразилась революция 1905 года, Бердяев прибил, однако, к «богоискателям», чтобы вернуться к человеческой личности. Конечно, абстрактной, а не той, которую метили егерские пули или охаживали нагайки казаков, и не той, что кидала бомбы, и тем более не такой, которая бы на деньги филантропа (вот парадокс – как раз польского!), открыла Общедоступный университет в Москве.

Выбравшись из Советов, он увидел в самом русском народе клубок противоречий, а в православии России – идею жертвенности, духа скромности и смирения. В мире под властью Князя Тьмы, а не Бога мужеством русских должно было стать смиренное перенесение оскорблений и насмешек мира – по образцу «кеносиса» Иисуса как Мессии, который добровольно принял унижения, чтобы вознестись потом на место правой руки Бога-Отца.

Это можно было бы воспринять как попытку интерпретации страданий, которые в советские времена переносили русские, между тем Бердяев в конце жизни, после побед Красной Армии во второй мировой войне, признавался в своем «Самопознании», уже без кеносиса, что верит «в великую миссию России». Он признал свой народ «народом будущего», способным... решить проблемы, которые не сумеет решить Запад и которых Запад даже не формулирует во всей их глубине!

Вроде бы ничего нового: в XIX веке Федор Достоевский провозгласил русских попросту «народом-Богоносцем», а каждого из них – «всечеловеком», с чувством ответственности за все человечество. Но ни ему, ни позже Бердяеву не пришло в голову, что можно взять на себя немного реальной ответственности, по крайней мере за каких-то людей в ближайшем окружении. А именно эти всемирные обязательства уполномочивали на этом основании властителей России на все

возможные замыслы и ошибки – за счет России и русских. Гибель Великого Новгорода относилась к издержкам такой ответственности.

Аналогичный взгляд по другую сторону общественной баррикады представлял Ленин. Он лечил комплекс неполноценности русской интеллигенции с помощью военной структуры своей революционной партии; для этой партии русские были первыми кандидатами на спасение, и только одно было проблемой: как заставить их дать себя спасти. Следовательно, этот самый «русский дух» царил по обеим сторонам. Для Великого Новгорода не было места ни с той, ни с другой.

*
*   *
*

Не все в России покорялись Ивану Грозному. И пример тому – сегодня уже классический труд 1867 года историка права Василия Сергеевича «Вече и князь. Русский государственный строй и правление во времена князей Рюриковичей». Год спустя Сергеевич, благодаря мудрому ректору Соловьеву-отцу, был уже профессором Московского университета – два года спустя после окончательного «усмирения польского мятежа – польского Январского Восстания! И это Сергеевич написал:

«Событием первостепенного значения, которое открыло путь к новому укладу отношений, было завоевание татарами... Татарское нашествие впервые познакомило русские княжества с властью, с которой нельзя договориться и которой следует безоговорочно подчиниться. Почва, необходимая для развития деятельности веча, была сразу уничтожена».

«Русскому духу» не соответствовала уже сама тематика исследований Сергеевича. Ведь «русский дух» вообще игнорировал людей просто разумных и порядочных. Он не переваривал Чернышевского, умного последователя Фурье, которого Ленин переделал в «революционного демократа». Невыносим был также Сергей Соловьев – отец Владимира Соловьева, позитивист, прекрасный историк. Будучи ректором Московского университета, он отказался от своего поста в 1877 году, когда проиграл борьбу за университетскую автономию. Очень работоспособный, с огромным багажом

знаний, дельный эрудит, он никогда не терял здравого смысла, сознавая, что следует сократить дистанцию по отношению к Западу, тогда как Чаадаев, да, Чаадаев, автор мрачного, пронизанного безнадежностью диагноза судьбы России, «русскости» и русского православия, в конце жизни благословил изоляцию России от мира, потому что благодаря ей христианская вера России смогла устоять от соблазнов брэнного мира!

Соловьев-отец не написал истории Великого Новгорода, но в своей истории России он описал его гибель значительно более страшными словами, чем это удалось мне. Благодаря покровительству Соловьева, историк права Иван Дмитриевич Беляев написал единственную историю Великого Новгорода – «Историю Новгорода Великого от древнейших времен до падения». Не оконченную: Беляев прервал ее на XV веке, наверное, потому, чтобы не вызвать гнев цензуры рассказом об истреблении людей в 1570 году или же попросту ему не дали опубликовать полную версию. Потом его труд полностью замалчивался. В царское время – «Энциклопедическим словарем», потом следующими советскими энциклопедиями. Отсюда следует ясный вывод о том, что Беляев не должен был вообще ее писать.

Соловьев-сын отвергал и Беляева, и собственного отца: он начал с магистерской работы «Кризис западной философии. Против позитивистов». И восхищался Тютчевым за его идею «русского христианского царизма».

Так видела мир и новейшая историография. Борис Греков, историк, родившийся за 35 лет до Октябрьской революции, будучи, однако, до глубины души советским, впрочем, ученый с огромными источниковедческими знаниями, лишь на склоне лет закончил свое фундаментальное исследование, объемистый труд о Киевской Руси (его публикации он уже не дождался, так, вероятно, отредактировали). Он на дух не переносил Великий Новгород – во имя советской власти, которая тоже не считалась со своими гражданами. В 1936 году в докладе «Основные задачи истории Новгорода» он указывал коллегам-историкам на страницах «Историка-марксиста» единственно верную интерпретацию:

«Наша задача – показать действительное своеобразие этой боярской республики, в которой люди труда подвергались большему угнетению, чем где бы это ни было».

Следовало продемонстрировать, что абсолютизм на Руси имеет тысячелетние корни – хотя «боярская дума» – совет князей и княжеских бояр – сохранил свои позиции вплоть до эпохи Ивана Грозного, и уже лишь он сровнял ее с землей. Греков разоблачил Великий Новгород: его растлили чуждый Руси республиканизм и миазмы польской шляхетской анархии. Поэтому во всей работе Грекова о Киевской Руси мы не найдем ни слова о том, как осенью 1136 года Великий Новгород взял себе свое гордое имя «Господин Великий Новгород». Этого попросту не было. Не должно было быть – значит, не было.

Здесь мы сразу поясним: республика Великого Новгорода была старше традиции польской шляхетской демократии. Только вот слишком уж богатый и сытый Великий Новгород разленился так же, как позднее она. Самые богатые слои тогдашней Руси утратили инстинкт самосохранения и даже не сумели вовремя нанять профессиональных вояк, хотя бы чешских гуситов из старого братства таборитов Жижки из Троцпова – да-да, чехи в то время были самыми отважными солдатами Европы! – нанять хотя бы тех самых, которые для Короны Королевства Польского за прусские деньги выиграли войну с Орденом Крестоносцев.

*
*   *

Советская власть гарантировала гражданам, стоящим в очередях за хлебом и водкой, по крайней мере чувство гордости за покорение космоса. Но вот и современная книга, вышедшая в 1992 году, расценила «собрание земель русских», «единение» Руси московскими царями как неизбежный и неотвратимый прогресс, не замечая при этом, что Иван Грозный развалил государство и в течение нескольких десятков лет оно не могло собраться – проигрывало потом уже не армиям королей Польши или Швеции, но и авантюристам, различным отбросам общества шляхетской Польши, которые годами хозяйничали и творили безобразия в России в эпоху Великой Смуты...

В то же время книжные черви Великороссии не хотели замечать, какую часть мира покорила маленькая нидерландская демократия. У них вызывало зависть развитие Англии в XIX веке, но они так никогда и не открыли для себя то, что без демократии Англия не была Англией, как Соединенные

Штаты не стали бы Соединенными Штатами. Демократия для них, патриотов Великороссии, означала слабость, а виной Великого Новгорода было то, что он проиграл.

Новгороду его поражения не могли простить даже противники царизма, даже окциденталисты, «западники». Они не замечали, как Белинский, что Новгород просуществовал почти семьсот лет, почти в два раза больше, чем исполнилось тогда царизму, дольше просуществовала только Венецианская Республика.

*
*   *

Демократии на самом деле связаны, как доказывает история, с развитием торговли. Они одновременно являются и ее условием, и продуктом. Развитие торговли несет с собой рост благосостояния, в свою очередь благосостояние порождает с годами политический эгоизм, потерю политического воображения и постепенное угасание даже политического инстинкта самосохранения. Все это так. И немало старых, прекрасных демократий, начиная с афинской и заканчивая шляхетской Польшей, разложилось именно в такой последовательности самоуничтожения. Но были и другие, которые сумели приспособиться к новым геополитическим обстоятельствам, сохраняя своеобразие и живучесть (демократии нашего времени в большинстве своем молоды и только достигают своего апогея). Великий Новгород не справился со своим благосостоянием, но, как и Венеция, не породил своих цезарей – в отличие от Римской Республики или средневековой Флоренции.

И никакое «очевидное предназначение» не заставляло Великороссию избрать путь Ивана Грозного. Такое предназначение ей навязали московские князья, вассалы татарских ханов. Таким образом, московский вариант был, иными словами, только одним из вариантов будущего. Правда, что история выбирает, как правило, варианты общественных процессов, требующих наименьших усилий всего общества, а значит, часто наиболее глупые, однако мы действительно не обязаны воспринимать «миссию» царей Всея Руси как единственный путь для русских земель или даже для самой России. История Великого Новгорода показывает, что существовал совершенно иной путь, и не менее русский, не

менее «российский». Может даже более российский, если радимичи и вятичи, «ляхи», отцы Москвы – города с именем, унаследованным от угро-финского «Черного камня», действительно пришли с польских земель.

Я надеялся (и надеюсь), что два моих тома, рассказывающих о зарождении государства «Господин Великий Новгород», пригодятся в качестве доказательства того, что было возможно, а также как своего рода скромное напоминание демократиям, которые, осоловев от благосостояния, имея все, могут все потерять, полагая, что сами по себе несколько сот лет существования достаточны для того, чтобы существовать в будущем...

*
*   *
*

Вслед за открывателями XIX века всевозможных старин-былин, которыми отозвалось задавленное прошлое, в XX веке возвращать России Новгород начал Артемий Владимирович Арциховский, энтузиаст археологии старой Руси. Сегодня мы даже не можем представить себе, чем он рисковал, берясь за раскопки в Великом Новгороде, обращаясь к запрещенному прошлому Великороссии, он, беспартийный потомок какой-то обрусевшей шляхты с окраинных земель, с фамилией, звучащей столь классово чуждо. До этого он изучал курганы вятичей, отцов Москвы, которые пришли будто бы от ляхов, что тоже было археологией с высокой степенью риска; к счастью, НКВД не читал Нестора.

Его ученик и продолжатель, замечательный ученый Валентин Лаврентьевич Янин родился, когда Арциховский начинал раскопки в Великом Новгороде. Янин родился в городе с двузначным новгородским прошлым, которому дважды меняли имя, чтобы стереть это прошлое. Уже само место рождения, ассоциирующееся с темой исследований, к которым Янин присоединился со всей страстью, могло бы изобличить его подрывные наклонности.

Янин, трудолюбивый и конкретный, вникающий в детали и одновременно всесторонний, написал немало работ о Великом Новгороде. Постепенно, когда это уже стало возможным, он знакомил российское общественное мнение с ампутированной традицией России. Он руководил десятками чужих исследований и публикаций, воспитал целое следующее

поколение школы Арциховского, но истории этой необычной купеческой республики великорусского средневековья он не написал. История государства, самого обширного в европейском средневековье, история цивилизации, которая могла бы начертать Великороссии совершенно иной путь развития, история в европейском средневековье исключительная, все еще – если не считать Беляева – остается нерасказанной.

Великий Новгород сам заговорил со своими археологами через 380 лет после своей гибели – как будто судьба решила, что нельзя мириться с диктатом силы, перечеркивающей по своей прихоти факты, людей и мысли.

В мягком торфяном укрытии сохранились не только монеты, но и деревянные музыкальные инструменты. Сохранились печати и шахматы, а тем более оловянные пломбы. Всего – сто с лишним тысяч самых разных предметов. И среди них самое важное: берестяные грамоты, сотни, вероятно, тысячи берестяных грамот, на которых, к счастью, писали не чернилами, а костяными резцами, так что почти все записи спустя девять, восемь, шесть веков удается прочитать.

Янин считает, что земля Новгорода скрывает их около двадцати тысяч... Вместе с этими «берестами» из-под земли выходит живой, повседневный Новгород, даже со своей повседневной речью; это счета, купеческие договоры и частные письма, редко уцелевшие полностью, как правило, сохранившиеся только во фрагментах, но подлинные, живые, рассказывающие обо всем. Великий Новгород возвращается к жизни, тени прошлого приобретают очертания и цвет. Говорят живые люди загубленной цивилизации.

*
*   *
*

Сегодня тема Великого Новгорода не сопряжена с риском – поскольку пала Империя, которая его раздавила. Однако Россия Новгорода Великого не стала альтернативой Российской Империи. Она продолжает молчать.

Этому молчанию способствуют стереотипы, глубоко укоренившиеся не только в русском сознании. С Великим Новгородом все еще не может, как я подозреваю, примириться «дух России». И многие умы Запада продолжают проникаться этим духом. Они восхищаются Россией отдельной и своеобразной, тем самым – таинственной. Сфинксом из поэмы Блока

«Скифы». Чары действуют тем сильнее, чем труднее отыскать в России что-то поддающееся сравнению с аналогичными явлениями в собственной, европейской традиции. Русские, даже возвращаясь из созвездия Маркса, остаются пришельцами с другой планеты. Бывшие «марксиане» завораживают интеллектуальную Европу и университетские городки Америки именно так, как пришельцы с Марса, а не такие же люди, как мы. Некоторых же теологов Запада очаровывает усматриваемая в набожном многословии глубина душевного переживания и идущий оттуда мистицизм, настолько приближающий к Богу, что совершенно отдаляет от людей, – с почитанием божественности самой России, божественности, за которой по-прежнему, к сожалению, скрывается мифологизированное самодержавие.

Когда мифологизировал Россию изгнанник или иной отвергнутый русский, его правом было делать из нее Сказку. Но в Польше топтал воспоминание о Великом Новгороде раздраженный молодой оригинал, который перебрался из Польши вглубь России, чтобы вещать о ней с позиции самого глубокого посвящения в тайну. Вернулись все прежние инвективы идеологов самодержавия: «охлократия», государство «олигархии», манипулирующей вечем, вечный беспорядок при власти толпы, непрекращающаяся драка всех со всеми, усмирение кровью и железом; Новгород оказался хуже царизма. И нет никакой попытки выяснить, каким чудом это государственное образование в течение нескольких сотен лет распространяло свою власть на территорию большую, чем какое-либо из европейских государств, сумев навсегда обрушить угро-финские племена всего севера современной европейской России (сегодняшние великороссы по меньшей мере наполовину являются их потомками, местная же угро-финская «чудь» с самого начала существования Новгорода Великого принадлежала к его элите).

Я понимаю людей, которых за двенадцать лет после 1989 года существования в возрожденной Польше разочаровала демократия. Взлелеянное в мечтах свободное польское государство слишком уж копирует взятую за образец Французскую Республику, какой она была сто лет назад, больную таким же бессилием управления и коррупцией. А ведь республика – вовсе не нечто для идеалистов и мечтателей. Демократия сама не делается, ее кто-то должен создавать. Когда людей, подготовленных к этому, немного или их нет

совсем, сторонние зрители испытывают отвращение. Поэтому также мне понятно отвращение, которое нынешняя республиканская Великая Смута посткоммунистической России вызвала в благородных и великих умах Солженицына или Тарковского.

*
*   *
*

Я посвятил Великому Новгороду 17 лет; Валентин Янин, который возвращает его к жизни, более 50. К названию книги «Господин Великий Новгород» я дал подзаголовок «Истинное рождение Руси». Поскольку мне пришло в голову очистить реальные процессы перемен от окаменевших наслоений идеологических, историографических и культурных искажений.

Я не намерен идеализировать Великий Новгород. История ни одной купеческой республики не годится для идиллии. Античные Афины не испугались персов, но именно они наиболее тяжко угнетали потом своих союзников. И именно республика античного Рима стала государством войн и завоеваний, а не последующая Римская империя. Тем не менее, Афины и Рим были республиками, а опыт их демократии, наряду со все еще не описанной демократией на острове Родос, правившей несколько веков на Средиземном море, принадлежит к великому наследию европейской цивилизации. Как, с моей точки зрения, и Великий Новгород.

Поэтому, осознавая еретический характер представляемой мною российской «нормальности», я буду продолжать в подготавливаемом мною томе «Атлантида, совсем недалеко» рассказывать об истинных предках русских – не более и не менее нормальных, чем предки других европейских народов, но именно этим необыкновенно интересных, потому что они иные и неизвестные. Я буду рассказывать о формировании необычной демократии, об этой своеобразной Атлантиде России, о том, как эта иная Россия долгое время опережала в своем развитии Западную Европу и переживала разнообразные увлекательные приключения, включая глупости.

Если сегодняшние русские пытаются восстановить кусок прошлого, ампутированного вычеркиванием Великого Новгорода из их памяти, они предлагают своему обществу иной взгляд. Привлеченный их усилиями, я посвятил Великому

Новгороду значительную часть жизни – а если хватит сил, посвящу и больше.

С польского перевела С. Попкова
(перевод не авторизованный)